

УДК 82

ОБЩЕНИЕ И ДИАЛОГ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А.С. ПУШКИНА

© 2010 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.03.2010

Исследуются процесс коммуникации в «Капитанской дочке» Пушкина и способы его изображения. Показано, как Гринёв осваивает новые для него модели общения, как постигает многоголосие жизни, обретает свой голос, а вместе с тем и свою жизненную позицию. Особое внимание обращено на диалогическую технику А.С. Пушкина.

Ключевые слова: «Капитанская дочка», общение, диалог, коммуникация, Гринёв.

«Капитанская дочка» не раз привлекала внимание исследователей. Предметом изучения становились изображение народного восстания, анализ принципов повествования, характерологии и др. Однако вне поля зрения исследователей до сих пор оставалась такая существенная сторона деятельности героев, как их речевое поведение, а процесс общения как предмет изображения в прозе Пушкина в целом остается неизученным – в пушкинистике существуют лишь разрозненные наблюдения на этот счет. Между тем, как точно заметил А.Б. Есин, словесно-речевая деятельность людей оказывается «не менее важной и характерной для общей картины жизни, чем деятельность, воплощенная в поступке, предметном мире и социальном укладе. В речевой манере, в специфическом статусе слова и его функций писателю открывается манера мышления о мире; слово опредмечивает миросозерцание, обнажает культурные доминанты бытия, эпохи, социального среза. Слово изображается в литературе как одна из важнейших примет времени и культуры, как симптом общего положения вещей и в этом качестве далеко выходит за рамки «речевой характеристики» персонажа, сообщающей последнему индивидуальную характерность, слово само становится ГЕРОЕМ произведения, подлежащим осмыслению не в меньшей степени, чем отдельные человеческие характеры» [1, с. 168].

Мы проследим, как осуществляется общение в тех коммуникативных ситуациях, которые в «Капитанской дочке» являются повторяющимися, например: первая встреча, застольное общение.

Повторяющиеся ситуации отражаются одна в другой, соотносятся как антитегичные и созвучные, как контраст и подобие. Впервые на такую соразмерность, симметричность компо-

зиции повести обратил внимание Д. Благой [2], а Ю.М. Лотман проанализировал идейный смысл соотношения двух созвучных сцен царской милости [3]. В.Г. Елкин, давший свою трактовку нравственно-политического содержания этой параллели, обнаружил в ней «диалектику взаимоотношений и отталкивания» и заметил, что «в ней есть то, что называется неточной рифмой, «рифмой ситуаций»» [4, с. 52]. Именно эта «неточность», когда, повторяясь, ситуация каждый раз развивается по-иному, и показывает многовариантность, диалектичность, разнообразие жизни. «Живая жизнь» многоголоса – к этому многоголосию и «прислушивается» герой, осваивает его. Именно в этом видит особенность характера и жизненное предназначение Гринёва В.А. Грехнёв: «...с доверительной безоглядностью отдаваясь взвихренному течению жизни, в трагический узор истории он [Гринёв – И.Ю.] как-то незаметно вписывает узор своего «я», своей человечности, чести и доброты, повинуюсь, в сущности, только одному – зову сердца и еще, быть может, той готовности слушать пульс самой реальности, <...> которой в избытке наделено его сознание. Только сознание, прислушивающееся ко всем голосам жизни, способно, по Пушкину, очеловечить историю, ибо оно лишено рокового соблазна творить его по собственному произволу» [5, с. 22].

Как вслушивается герой в многоголосие жизни, видно, например, из повторяющейся коммуникативной ситуации первой встречи Гринёва с новыми для него людьми.

Встречи, знакомства происходят по разным причинам, в разных обстоятельствах. Одни ожидаемы и неизбежны (таковы встречи с генералом Андреем Карловичем Р. в Оренбурге, семейством Миронова), другие (с Зуриным и

Пугачевым) случайны. Но в любом случае они равно важны для героя, который покинул замкнутый мир дома с устоявшимся укладом, своим характером общения.

Каким был характер «домашнего» общения, видно из «семейных» глав повести. Определяется он взаимодействием двух речевых манер: отцовской и материнской. И это не просто сочетание мужского и женского начал – это взаимодействие разных типов сознания: исторического и мифологического. Отец – «человек истории», в прошлом причастный к кругам, определяющим ее ход, участвовавший в важных событиях. Теперь его жизнь заключена в пределах усадьбы, протекает вне большой истории. Но прошлое не отпускает, о чем свидетельствует интерес этого героя к «Придворному календарю». Комментарии отца во время его чтения показывают, что он воспринимает деяния современных исторических деятелей сквозь призму собственных нравственных оценок, с точки зрения человека, знающего истинный нравственный потенциал тех, кто удостаивается чинов и почестей.

Сознание матери Гринёва иное: его можно определить как мифологическое. Вся ее жизнь прошла в русской провинции, где иное чувство времени и значимых событий. Даже то, как она строит свой ответ на вопрос отца о возрасте Петруши, показывает, что сначала ею используется «язык» отца, который затем «переводится» в систему ее понятий, а потому и возникает сопутствующий комментарий, который мог бы развернуться в самостоятельное повествование, если бы не был прерван отцом: *«Да вот пошел семнадцатый годок, – отвечала матушка. – Петруша родился в тот самый год, как окривела тетюшка Настасья Герасимовна, и когда еще...»* [6, с. 281]. И если матери доступны оба языка, то отцу нет. Как видим, он прерывает разговор, как только получает нужную информацию, игнорируя все прочие уточнения, которые представляют собой изложение преданий, составляющих местный легендарный свод, из них-то и слагается деревенская «история».

Таким образом, отец, живя в деревне, так и не освоил тот тип общения, который естественен в провинции. Он остался в своем мире, в своем историческом времени, не перешел той границы, которая разделяет прошлое и настоящее.

В семейном общении значим ещё один момент: в нем сходятся две разные по психологическому складу речевые личности. Как видим, матушка словоохотлива, отец же немногословен, не склонен к развернутым высказываниям,

отчетливо формулирует лишь итог своих размышлений. Внутренняя жизнь отца матушке не вполне доступна, она никогда не сможет ее вербализовать, но абсолютно ее чувствует, а потому в разговорах мог бы возникнуть тупик, если бы Авдотья Васильевна не владела языком отца и не выполняла волю мужа беспрекословно, не обсуждая, не перечая ему.

Гринёву предстоит пройти свой путь, найти свой стиль общения, обрести свой голос, а для начала освоить новые, еще неизвестные ему модели общения. С этой точки зрения, особенно важны ситуации первых встреч. Новый коммуникативный опыт настолько ярко запечатлевается в сознании Гринёва, что и по прошествии многих лет его память хранит не только сам факт этих встреч, но и ощущения, интонации, слова. А потому так подробно они воспроизводятся в записках. Но это уже взгляд на себя и события со стороны, с позиций приобретенного опыта, прожитой жизни.

Как мы отметили, первые встречи исключительны для Гринёва, но по сути своей они типичны. Такова, например, встреча с Зуриным. Из многочисленных мемуарных свидетельств мы знаем, что такие ситуации не были исключительными: многие молодые люди, вступающие в большую жизнь, надолго «застреливали» в трактирах, так как были вовлечены в игру, и такое состояние могло длиться месяцами. Подобный опыт был и в судьбе Г.Р. Державина, и в судьбе И.А. Крылова... Пушкин очень точно воспроизводит механизм вовлечения в игру. Здесь срабатывает все: и место действия (глухая провинция, Симбирский трактир), и душевное состояние (скука, невозможность чем-либо занять себя, одиночество). И то, что интерес исходит от самого Гринёва, привлеченного странной ситуацией: *«Он [Зурин. – И.Ю.] играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под бильярд на четверинках»* [6, с. 282–283].

Однако первый речевой импульс исходит не от Гринёва, а от Зурина: *«Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под бильярдом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились»* [6, с. 283].

Как видим, речевая ситуация передается Пушкиным не в форме диалога, а описательно. Когда же зазвучит реальное, а не переданное

в косвенной форме слово Зурина? Не в тот момент, когда герой представляется или рассказывает о себе (это передается в речи повествователя как обозначение общего направления разговора), а когда он мотивирует необходимость научиться игре, при этом слова гусарского офицера звучат как жизненное правило, житейская мудрость: *«Это, – говорил он, – необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко; чем прикажешь заняться? Ведь не все же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!»* [6, с. 283].

Зурин – первый офицер, которого встречает в пути Гринёв. Доминанта личности нового знакомого – он «служит тому, в справедливость чего верит» [3, с. 227]. Для А. Слонимского этот персонаж – пример того, что у Пушкина «не личные качества – дурные или хорошие – а нравы выступают на первый план» [7, с. 509]. По сути, Зурин погружает Гринёва в атмосферу той среды, в которой ему предстоит служить, и воспринимается им как воплощение нормы, которую он должен освоить. При подобных условиях раззадорить, ловко втянуть в игру неопытного юношу, разжечь у него азарт бывалому гусару не составляет труда, и в этом он несколько не грешит против правил, какими бы бесчестными и бесчеловечными они ни были. Гринёв вспоминает: *«Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка»* [6, с. 283]. Обратим внимание на то, как Пушкин строит фразу: не используя диалогической формы, он заставляет зазвучать слово Зурина, передает его интонации. Так сама речь мемуариста заключает в себе «чужие голоса», «чужую» лексику, интонации. И оказывается, что динамично передать ситуацию общения можно не только с помощью реального диалога (обмена репликами), но и лишь рассказав о ней, показав общее направление разговора. Подобный способ позволяет воссоздать коммуникативную ситуацию динамично и пластично.

Ситуация знакомства оборачивается ситуацией обмана, а внешнее доброжелательство таит в себе коварство. Те чувства, которые испытывает Гринёв после случившегося, показывают, что это ложный, неприемлемый для него путь. Подобный тип общения опробован, один из голосов многоголосой жизни услышан, но не принят.

Другая ситуация встречи – это первое знакомство Гринёва с семьей капитана Миронова. И здесь снова сталкиваются ожидаемое и действительное. С точки зрения героя (да и с точки зрения читательских ожиданий), визит к капитану должен был развиваться как представление командиру прибывшего к месту службы офицера; это должна была быть встреча мудрого воина (такова была аттестация, данная капитану генералом) и вступающего в жизнь юноши-офицера. Однако происходит своего рода «подмена»: встреча откладывается, знакомство с капитаном не происходит, вместо этого Гринёв входит в его семейный круг.

Эпизод развивается как нарушение коммуникативных ожиданий Гринёва, что вызывает у него недоумение. Он представлял свой визит и свое поведение в данный момент иным, однако та парадигма общения, которая существовала в его сознании, не осуществляется: Гринёв застанет не тех людей и даже не тот круг, который требуется для соблюдения ритуала.

Как в этой сцене Пушкиным используется диалог? То, о чем говорит Гринёв, он воспроизводит в форме косвенной речи. Почему? Его реплика без труда может быть восстановлена читателем. А вот ответная реплика дается в форме прямой речи, так как она непредсказуема, неожиданна, парадоксальна. Так, в передней капитана Миронова Гринёв видит инвалида: *«Я велел ему доложить обо мне. “Войди, батюшка, – отвечает инвалид, – наши дома”»* [6, с. 295]. Форма доклада разрушается, приказ («велел») трансформируется в нечто фамильярное, нарушается субординация, сама форма обращения – «батюшка» – взята из арсенала частного, а не служебного общения. Так уже на пороге дома столкнулось несовместимое на первый взгляд: официальное и бытовое, типичное и неожиданное.

Этот принцип Пушкин использует и дальше. Гринёву отвечает не тот человек, к кому он обращается, а вместо представления командиру он вступает в диалог с Василисой Егоровной: *«“Что вам угодно, батюшка?” – спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь* [выделено мной. – И.Ю.]. *“Ивана Кузмича дома нет, – сказала она, – он пошел в гости к отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка”»* [6, с. 295].

В этом диалоге намечается несколько линий: собеседниками Гринёва, кроме инвалида в пе-

редней, становятся Василиса Егоровна и «кривой старичок» Иван Игнатьевич. У них разные речевые манеры, разные формы ведения разговора. Если Василиса Егоровна радушна, расположена к визитеру, то Иван Игнатьевич выступает в роли строгого, недоверчивого собеседника, проницательного знатока жизни, но когда он задает вопросы, касающиеся службы, то все его выводы (а в их точности и достоверности он нисколько не сомневается) оказываются ложными, даже приблизительно не раскрывающими обстоятельств, приведших Гринёва в Белогорскую крепость.

Диалог естественно включен в действие, не прерывает занятия героев, которое само по себе знаково: оно «аккомпанирует» репликам. Как помним, Василиса Егоровна и Иван Игнатьевич распутывают клубок. Это сугубо мирное, женское дело, в которое погружен солдат-инвалид, а также дефект его зрения (у солдата только один глаз, которым он «с любопытством» поглядывает на Гринёва, достигшего конечной точки своего пути) создают скрытый мифологический план, намечающий тему судьбы и жизненных испытаний.

Диалогические партии Василисы Егоровны и Ивана Игнатьевича соотносятся между собой как оппозиция ложного и истинного слова. Истина закреплена за капитаншей, которая опровергает предположения Ивана Игнатьевича: старый служака уже отождествил в своем сознании Гринёва со Швабриным, руководствуясь вроде бы здравым смыслом: в захолустье никто по доброй воле не приедет. Василиса Егоровна раскрывает причины пребывания Швабрина в крепости, но никак не соотносит, не уподобляет Гринёва Швабрину.

Дом капитана Миронова «вбирает» в себя людей: сюда стекаются все местные новости. И эта внешняя жизнь оказывается насыщенной конфликтами и страстями, пусть и курьезными. За малый промежуток времени Гринёв услышал обо всем, что происходит в крепости, погрузился в новый мир. И воссоздал атмосферу, воспроизведя разговоры, которые сопровождали его первый визит.

Еще раз обратим внимание на структуру данного диалога. Гринев опускает свои ответы, так как читателю уже известны и предыстория его появления в Белогорской крепости, и история его семьи, а вот реплики Василисы Егоровны, «кривого старичка», урядника воспроизводит дословно, точно. Полностью, буквально воспроизведенный диалог (с ответами Гринёва) утяжелил бы повествование, затормозил бы его. Гринёву же в данной ситуации важно звучащее

живое слово новых людей, а не «затверженные», возможно, заранее, еще в пути продуманные, отрепетированные речи, которые в этой ситуации становятся ложными, неживыми, неистинными – и невозможными.

Косвенная речь, описательность позволяют Гринёву передать свои ощущения, мотивы своих действий, обращений, что не получилось бы, если бы только воспроизводилась реплика.

Эта встреча показывает, как рушатся представления Гринёва о мире, так как герой не получает ожидаемого ответного речевого действия. Сам Гринёв в момент первой встречи стремится построить свое поведение под некий ритуал. Но все это оказывается «мертвым» словом. Потому он и прислушивается к новому для него слову. Потому оно и зафиксировалось в его сознании в мелочах: он почему-то помнит и о драке в бане, и том, что мошенник Семен Кузов пустил свою лошадь в огород к капитанше...

Важная встреча – знакомство с капитаном Мироновым – произойдет на ходу, случайно, не парадно и окончательно разрушит представления Гринёва о том, каким будет его пребывание в крепости. Первое слово капитана: «...он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. “А здесь, – прибавил он, – нечего вам смотреть”» [6, с. 297] – вызывает недоумение, так как выводит Гринёва за пределы службы. Однако в этих словах сказывается житейский опыт и потому проступает высшая жизненная правда. Существование Гринёва войдет в бытовое русло, а служба на первых порах будет похожа на спокойную жизнь в провинциальной глуши. Между сослуживцами устанавливаются человеческие, а не служебные отношения.

Нестандартность первого визита к Мироновым тем очевиднее, что в памяти Гринёва (и читателя) свежа другая (контрастная) сцена встречи: визит в Оренбурге к генералу – товарищу отца. Именно эта встреча могла бы развернуться в русле дружеского приятия. И действительно, появление Петра Андреевича вроде бы воскресило в памяти генерала прошлое, навяло мысли о движении времени, уходящей жизни: «*Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!*» [6, с. 292], но глубинного радушия и тепла в этой встрече нет, соблюдается лишь обязательный ритуал. Генерал говорит то, что должно произноситься в данной ситуации.

Сцена лаконична, ее каркасом становится чтение генералом письма, сопровождаемое по-

путным комментарием. Гринёв так же, как и у Мироновых, выступает в роли слушателя, а не активного собеседника. Однако его пассивность лишь внешняя – вторым (скрытым) планом в диалоге обозначается внутренняя речь героя: *«Час от часу не легче! – подумал я про себя, – к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..»* [6, с. 293].

Гринёв фиксирует иноязычие своего собеседника: воспроизводит немецкий акцент генерала, его непонимание отдельных фразеологизмов. Собственно пояснением одного из них («ежовые рукавицы») и является единственная «звучащая» реплика Гринёва, которая, словно подтверждая слова отца, «изобличает» в нем «повесу». Так речевое действие еще раз актуализирует мечты и представления Гринёва об идеальной службе. Но в реплике проступает и другой план: это наивная попытка скорректировать обстоятельства, изменить неминуемое, подчинить обстоятельства своей воле, переиграть собеседника, введя его в заблуждение. Попытка, тут же потерпевшая крах. Так еще одно «волевое» усилие Гринёва оказывается бесполезным, нереализованным импульсом.

Иначе, чем в литературе той поры, в «Капитанской дочке» осуществляется общение и во время застольной беседы. Пушкин разрушает традиционную модель пира как пиршества духа. У него этот процесс естественно вписан в быт и отражает жизненный уклад. И снова две сцены: у капитана Миронова и оренбургского генерала – взаимно отражаются.

Обед в доме генерала тягостен, так как во время этой «холостой трапезы» не возникает живого общения, не завязывается непринужденная беседа, что обусловлено рядом причин: возрастной и военной иерархией, языковыми отличиями, личностными, национальными особенностями.

Если за столом генерала все разобщены и чувствуют себя неуютно, потому что не устанавливается духовного единства, то у капитана Миронова живой разговор сопровождает трапезу. Здесь общение осуществляется запросто, а все действия органично вытекают из семейного уклада, который никак не меняется с появлением Гринёва. Речь капитанши естественна, ею сопровождаются хлопоты по дому, а «говорливость» предстает как неотъемлемая черта Василисы Егоровны.

В отличие от типичных застольных бесед, когда в какой-то момент единство собеседников

разрушается, общий разговор начинает дробиться, распадаться на группы, одна из которых и привлекает внимание автора, здесь все сосредоточено на хозяйке, которая управляет беседой, задает её тон. Герои говорят о повседневном, сиюминутном, но главной, сквозной темой становится личность нового человека, а не отвлеченные рассуждения о глобальных бытийных вопросах. Акцент в описании этого разговора (а поначалу он именно описывается, а не воспроизводится) сделан, во-первых, на реакциях Василисы Егоровны, а во-вторых, на проявлении эмоций Маши. «Живое, звучащее» слово (т. е. собственно реплика) будет включено в повествование, когда капитанша заговорит о судьбе дочери. И это важно. Герои, как мы сказали, не размышляют над сверхвопросами, но за обсуждением повседневных проблем проступает бытийный план – предощущение того неизбежного, что их ожидает. Их судьба им неведома, но она обозначается в оговорках, вскользь брошенных фразах. Ценность этих размышлений будет осознана в контексте уже осуществившейся жизни, поэтому, вспоминая прошлое, мемуарист и фиксирует эти «предчувствия», а воспроизводя коммуникативные ситуации, включает реплики, которые оказываются пророческими, в повествование, используя форму диалога.

В этом эпизоде коммуникативная ситуация сначала воспроизводится описательно, однако сцена «звучит»: мы слышим голоса, ворох вопросов, которые Василиса Егоровна адресует Гринёву: *«Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! – сказала она, – ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да венник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековечною невестою». – Я взглянул на Марью Ивановну, она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор»* [6, с. 297–298].

Знаменательна попытка Гринёва переключить общее направление разговора. Им движет стремление «спасти» Машу – уйти от неприятной для нее темы и вместе с тем желание узнать о жизни в крепости. Но то, о чем он заговаривает: *«Я слышал, – сказал я довольно некстати, –*

что на вашу крепость собираются напасть башкирцы» [6, с. 298], оказывается неуместным за семейным обедом, неинтересным обитателям крепости и быстро отменяется собеседниками. Примечательно, что Иван Кузьмич, до этого момента не принимавший участия в общей беседе, тут же включается в разговор и очень быстро исчерпывает тему. Гринёв предпринимает другую попытку развить это тупиговое ответвление в разговоре, когда адресуется вопрос Василисе Егоровне: «И вам не страшно <...> оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» [6, с. 298]. При этом сам вопрос показывает, что Гринёв проигнорировал ответ капитана, не услышал его. Он пытается направить разговор в нужном ему русле: его интересуют возможные опасности и трудности, его душа требует необычных происшествий. Но и вторая попытка не реализуется. Теперь уже капитанша буднично и просто исчерпывает тему жизни в крепости.

На два момента в этом эпизоде еще стоит обратить внимание.

«Некстати» – так определяет Гринёв свою попытку придать беседе новое направление. Скорее всего, это слово уже взрослого Гринёва, оценка мемуариста. В тот момент, когда происходил разговор, вряд ли он ощущал бесперспективность этой темы для обитателей крепости. Так в повествовании начинают одновременно звучать голоса Гринёва, еще только вступающего в большую жизнь, и Гринёва, умудренного опытом.

И второй момент: этот поворот темы позволяет отчасти прояснить содержание разговора в доме оренбургского генерала. И вместе с тем рождает ряд вопросов: кто говорил о возможном нападении башкирцев? когда? при каких обстоятельствах? почему это не зафиксировано в той части записок, когда Гринёв рассказывает о своем визите к генералу?

Само же сочетание обсуждаемых за столом тем: судьба Маши и возможное нападение башкирцев – это то сочетание личного и историче-

ского, которое затем реализуется как основной конфликт произведения. В частную жизнь вторгается история. А мудрые в понимании человеческих отношений люди оказываются глухи к ее голосу, игнорируют ее послылы.

Таким образом, Пушкин воспроизводит процесс общения, погружая нас в естественную речевую стихию, где нет ничего фальшивого, формульного, шаблонного. Это и позволило Н.В. Гоголю сказать о «Капитанской дочке»: в ней «все – не только самая правда, но еще как бы лучше ее» [8, с. 157]. Сам процесс общения развивается не так, как того ожидает герой. Разрушает Пушкин и привычную форму диалога: он перестает быть простым обменом репликами. Как правило, воспроизводится только та фраза, которая неожиданна, и, как правило, она принадлежит собеседнику, а не рассказчику. Анализ коммуникативных ситуаций первой встречи, любовного объяснения показывает, что Гринёв прислушивается к тому многоголосию, которое свойственно «живой жизни», чтобы обрести свой голос, а вместе с тем и свое «я». Так постигается им стихийная мудрость жизни.

Список литературы

1. Есин А.Б. Изображенное слово у Пушкина и Чехова // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 168–180.
2. Благый Д.Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. М.: Худож. лит., 1973. С. 213–230.
3. Лотман Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство–СПб., 1995. С. 212–227.
4. Елкин В.Г. Структура и смысл произведений Пушкина в аспекте системного подхода. Владимир: ВПИ им. П.И. Лебедева-Полянского, 1985. 80 с.
5. Грехнёв В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 464 с.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. 496 с.
7. Слонимский А. Мастерство Пушкина. М.: Худож. лит., 1959. 526 с.
8. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1950. 360 с.

COMMUNICATION AND DIALOG IN «THE CAPTAIN'S DAUGHTER» BY A. PUSHKIN

I.S. Yukhnova

The author explores communication in «The Captain's Daughter» by A. Pushkin and the ways it is described. It is shown how Grinev acquires new manners of communication, understands the polyphony of life, find his own voice and his place in life. A special focus in the analysis is put on Pushkin's dialog techniques.

Keywords: «The Captain's Daughter», communication, dialog, Grinev.